

Андрей Белый

ВОСПОМИНАНИЯ О БЛОКЕ

мемуары

Москва, 2018

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б43

Белый, А.

Б43 Воспоминания о Блоке / А. Белый. - М. : Т8RUGRAM,
2018. - 570 с.

ISBN 978-5-521-06966-8

Андрей Белый (1880-1934) - известный писатель Серебряного века, поэт, критик, мемуарист, один из ведущих деятелей русского символизма и модернизма.

«Воспоминания о Блоке» - удивительная книга, в которой представлен разносторонний анализ личности и творческого наследия гениального поэта и современника автора. Перелистывая страницы судьбы Александра Блока, читатель сможет перенестись в неповторимую атмосферу начала XX века и посмотреть на мир глазами гениальных людей той эпохи.

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПЕРИОД ДО ЛИЧНОЙ ВСТРЕЧИ	9
ГЛАВА ВТОРАЯ. А. А. БЛОК В МОСКВЕ	53
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ШАХМАТОВО	83
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПЕТЕРБУРГ	115
ГЛАВА ПЯТАЯ. 1905 ГОД	209
ГЛАВА ШЕСТАЯ. «ТЫ В ПОЛЯ ОТОШЛА БЕЗ ВОЗВРАТА»	259
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ВСТРЕЧА И ОХЛАЖДЕНИЕ	351
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ВДАЛИ ОТ БЛОКА	393
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. У ВТОРОГО ПОРОГА	469

ПРЕДИСЛОВИЕ

Скончался Александр Александрович Блок, первый поэт современности; смолк — первый голос; оборвалась песня песен; в созвездии (Пушкин, Некрасов, Фет, Баратынский, Тютчев, Жуковский, Державин и Лермонтов) вспыхнуло: *Александр Блок*.

Александр Александрович есть единственно *«вечный»* из русских поэтов текущего века, соединивший стихию поэзии нашего национального дня с мировой эпохой, преобразивший утонченность непропетого трепета тем, исключительно углубленных в звук, внятный России, раздольный, как ветер, явивший по-новому Душу России... Невнятны во внятице, внятны в невнятном его *Незнакомка, Прекрасная Дама, Россия, Америка Новая, «Скифы», «Двенадцать»*, — реальные в символизме, универсальные в субъективности; темы — лишь ноты его темы тем, где сплетаются: мистика, философия, огненное гражданское чувство с метафорой, мифом и ритмом; понятен он специалистам, стилистам, учащейся молодежи, рабочим, всем русским, французам, германцам... Воистину, *Urbi et orbi* поэт, он есть *наш, исключительный, общий, любимый*, пропевший для каждого, для *отдельного*; и оттого средь плеяды совсем исключительных и уважаемых дарований совсем исключительный он; мы ему подарили любовь — мы сыны страшных лет, увидавшие в Музе его наш же лик в неосознанном корне, ей слитые целостность, как бы ее мы ни звали (душою ли России, душою ли всего человечества, мира...); *Прекрасною Дамою, Незнакомкою, Мэрии «Катькою»* разню проходит в нас целостность этой поэзии, цельной в целинных глубинах его неразгаданной, замечательной личности.

Нам, его близко знававшим, стоял он прекрасной загадкой то близкий, то дальний (прекрасный — всегда). Мы не знали, кто больше, — поэт национальный, иль чуткий, единственный человек, заслоняемый порфирию поэтической славы, как... тенью, из складок которой порой выступали черты благородного, всепонимающего, нового и прекрасного человека: *kalos k'agathos* — так и хочется определить сочетание доброты, красоты и правдивости, штриховавшей суровостью мягкий облик души его, не выносящей риторики, аффектации, позы, *«поэзии»*, фальши и прочих *«бум-бумов»*, столь свойственных проповедникам, поэтическим *«мэтрам»* и прочим *«великим»*; всечеловечное, чуткое

и глубокое сердце его отражало эпоху, которую нес он в себе и которую не разложишь на «социологию», «мистику», «философию» или «стилистику»; не объяснишь это сердце, которое, отображая Россию, так билось грядущим, всечеловеческим; и не мирясь с суррогатами истинно-нового, не мирясь с суррогатами вечно-сущего в данном во-круг, — разорвалось: Александр Александрович, не сказав суррогатам того и другого «да будет» — задохся; *«трагедия творчества»* не пощадила его; мы его потеряли, как... Пушкина; он, как и Пушкин, искал себе смерти: и мы не могли уберечь это сердце; как и всегда, бережем мы лишь память, а не живую, кипящую творчеством бьющую жизнь...

Светлы, легки лазури.
Они темны — без дна.

Лазуреющий цвет его строк, оплеснувший, как крыльями, все поколенье наше, при приближении к ним начинает глубиной темнеть до... чернеющей бездны последнего, третьего тома; и до — *«Двенадцати»*. Блок — глубиннейший русский поэт — стал, однако, поэт, общий всем: углубляются в нем струи времени нашего и человеческий, новый воистину, лик говорит без единого слова молчанием с нами; под покровом явлений — молчание в Тютчеве; под покровом молчания этого — новое, косноязычное пока слово, воистину нового человека, который жил в Блоке, который поэтом, владеющим магией сочетания звуков, не высказан, не вмещен; эта встреча *«поэта»* с *Челом* восходящего Века — трагедия Блока:

Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!

Человека, его понимаем: его «Книга Книг» не написана — «Голубиная Книга», «Глубинная Книга»; но текстами ненаписанной книги порою мерцала нам личность его; и заслоняла поэта; та книга напишется будущей эрой, которая выражалась в «поэте» порой в сочетаниях непримиримых, казалось, течений и веяний, нарушивших гармонию зорь и голубого налета исконного в нем романтизма, — жила в преломлениях гностической философии Владимира Соловьева, в роскоше-

ВОСПОМИНАНИЯ О БЛОКЕ

ствах Фетовой лирики, соединенных с терзанием демона-человека (и Врубель, и Лермонтов), с расширением русской, «гражданской», общественной мысли, столь чуждой поэтам, могущим сказать; Блок словом сказал больше их; еще большего он не сказал: промолчал и унес; под тишиной, под поверхностью Светлого озера этой широкой души, отразившей окрестные берега русской жизни — какие кипения духа! И звоны укрытого Китежа, и клокотанье, как лавовых, струй возмущаемого душевно-духовного мира; под тихой поверхностью не стучало, а прыдало красною лавою сердце его; но открылся вулкан: и — большой человек отошел.

Отзовемся и двинемся ближе к нему; постараемся распечатать, раскрыть нашу память о нем: и *сотворим ему Вечную Память...*

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПЕРИОД ДО ЛИЧНОЙ ВСТРЕЧИ

ПЕРВЫЕ ВЕСТИ

Воспоминания об Александре Александровиче Блоке простираются вспять — далеко, пересекая громовые годы России; и упираясь в эпоху слепительных зорь, над которыми оба задумались мы.

С А.А. Блоком я был уже знаком до знакомства и первую весть об А.А. я имею от С.М. Соловьева (Поэта, филолога, критика, ныне священника, знатока истории и церковной философии, племянника Владимира Соловьева.) в 1898, а не то в 1897 году. В эти годы уже узнаю: родственник С.М. Соловьева, тогда еще «Саша» Блок, пишет, как все мы, стихи; и как все мы: душой отдается театру Шекспира; я знаю, что он, как и я, — гимназист; уважает он дом Соловьевых, в котором я принят; Михаил Сергеевич Соловьев, брат философа, и супруга его, поощряют меня в моих странствиях мысли; необычайные отношения возникают меж нами; уж юноша 16–17 лет я дружу с маленьким Соловьевым (11–12-летним); особенно слагается близость меж мной и Ольгой Михайловной Соловьевой, художницей и переводчицей Рёскина, Оскара Уайльда, Альфреда де Виньи; в душе у О.М. перекликаются интересы к искусству с глубокими запросами к религии и мистике. О. М. любит английских прерафаэлитов (Россетти, Бёрн-Джонса), иных символистов; зачитывается Верленом и Малларме; и первая мне открывает миры Метерлинка, тогда еще всеми бранимого; выписывает художественные журналы «Jugend» и «Studio»; впоследствии — «Мир Искусства»; она обостряет и утончает мой вкус; ей обязан я многими часами великолепных, культурных пиров.

Михаил Сергеевич Соловьев был, воистину, замечательною фигурою: скромн, сосредоточен, — таил он огромную вдумчивость, пронизательность, мудрость; соединял дерзновенье искателей новых путей он с дорическим консерватизмом хорошего вкуса. Он, кажется, был единственный из Соловьевых, не соблазнившийся литературною и общественной славою. Но к нему единственно прибегал Владимир Сергеевич Соловьев, с ним считаясь в кризисах своей жизни и мысли: М.С.

был подлинным инспиратором Владимира Соловьева; лишь он понимал до конца степень важности теософических устремлений покойного. М. С. был вдвойне замечателен: был не менее, если не более замечателен своего знаменитого брата, являя во внешнем и внутреннем облике полный контраст с В.С.; тихий, спокойный, уравновешенный, не блестящий во внешних явлениях жизни, не походил он на бурного и всегда блестящего брата; малорослый, голубокий, блондин с небольшим пухлым ртом, обрамленным светлейшими белокурыми усами и такою же кудрявой бородкой, с ясным, не вспыхивающим взглядом, и с бледным лицом, он во внешнем облике разительно отличался от огромного, темноволосого Владимира Соловьева, блестящего лихорадочно серыми, обведенными точно углем, глазами. Стоило посмотреть на двух братьев, когда они усаживались за шашки, отхлебывая чай и просиживая над столиком, чтобы увидеть огромное различие их; и вместе с тем — непередаваемую духовную общность.

Покойный М.С. Соловьев любил классиков; относился с достаточной сдержанностью к крайним теченьям искусства; но истинно новое он выделял; не разделял он насмешек по отношению к декадентству и символизму; и первый провидел поэта в Валерии Брюсове еще эпохи «Шедевров»; и — первый меня поощрял в поэтических опытах; это он настоял, чтобы явилась в печати «Симфония», за которую проклинали меня в девятисотых годах маститые сверстники М.С. Соловьева (Векшгерн, Л. М. Лопатин, кн. С.Н. Трубецкой, В.Г. Гиацинтов, Н.И. Шишкин и др.); я помню, что стал я таким, каким стал, — лишь считаясь с советами М.С. Соловьева. Он был моим крестным отцом: псевдоним «*Андрей Белый*» придуман был им. Помню яркое чтение М.С. Соловьева отрывков «Фритюфа» Тегнера; и помню: глубокое проникновение в Шекспира его. Стихотворения Фета, Владимира Соловьева и Тютчева никогда не открылись бы мне в такой мере, когда бы не он. М. С. чувствовал до конца мир поэзии Пушкина, Гоголя; отмечая значение Достоевского, не любил он его; еще менее выносил он творения Розанова, понимая огромности темы его; М.С. выдвинул *первый* в Москве значение Мережковского: сочиненье последнего «О Толстом и Достоевском» печаталось тогда в «Мире Искусства», глава за главой обсуждали мы сочиненье это в 1901 и 1902 годах; М.С. заинтересовал сочиненьем покойного кн. С.Н. Трубецкого, по сонету М.С. пригласив-